

Павлов Алексей Степанович

**Теория восточного папизма в
новейшей русской литературе
канонического права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Степанович П.**
Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического
права / Павлов Алексей Степанович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
52 с.

ISBN 978-5-521-26933-4

ISBN 978-5-521-26933-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

скихъ провинцій, но имѣлъ въ виду тѣхъ іерарховъ, которые, не пользуясь еще во время Никейскаго собора званіемъ патріарха, тѣмъ не менѣе возвышались своимъ положеніемъ надъ обыкновенными митрополитами и приближались по своимъ преимуществамъ къ патріархамъ“ (стр. 11). Ученые, доставившіе такому изъясненію никейскаго канона „господство въ наукѣ“ (Маассенъ, Геселе, Гергенрөтеръ и др.), а за ними и г. Барсовъ, аргументируютъ такимъ образомъ: 1) соборъ *особо* говоритъ объ іерархахъ римскомъ, александрійскомъ и антиохійскомъ, слѣдовательно — отличаетъ ихъ, по правамъ власти, отъ обыкновенныхъ митрополитовъ, о которыхъ уже сдѣланы опредѣленные постановленія въ предыдущихъ (4 и 5) правилахъ того же собора (стр. 11 и 14); 2) округъ cadaго изъ поименованныхъ въ 6-мъ никейскомъ канонѣ іерарховъ несомнѣнно обнималъ нѣсколько провинцій (гражданскихъ), слѣдовательно—содержалъ въ себѣ и нѣсколько митрополій (церковныхъ). Еслибы нашъ канонистъ попытался провѣрить эти доводы по источникамъ первой руки, или по крайней мѣрѣ, взялъ во вниманіе возраженія другихъ ученыхъ (въ особенности Бевеиджа и Пихлера), которые смотрятъ на дѣло иначе, то вѣроятно убѣдился бы, что вопросъ рѣшается не такъ легко и просто. Толкователи настоящаго правила вообще недостаточно взвѣшиваютъ или тенденціозно объясняютъ то обстоятельство, что соборъ ясно устанавливаетъ различіе между епископами римскимъ и александрійскимъ съ одной стороны, и антиохійскимъ и прочими старѣйшими іерархами—съ другой. Первые два отличались отъ своихъ собратьевъ—областныхъ или провинціальныхъ митрополитовъ — тѣмъ, что имѣли подъ своею властію (ἐξουσία) не одну, а нѣсколько *гражданскихъ* провинцій, въ которыхъ и были *единственными* митрополитами. Именно: римскій епископъ, какъ пояснено въ латинскомъ переводѣ никейскаго канона, принадлежащемъ одному изъ членовъ собора—карфагенскому епископу Цециліану, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи *loci suburbicaria* ³⁾, подъ которыми принято разумѣть десять италіанскихъ

³⁾ См. *Maassen*, Geschichte der Quellen und Literatur d. canon. Rechts B. I, s. 11.

провинцій, подчиненных Vicario Urbis ⁴⁾; александрійскій, по прямому указанію самого собора, простиралъ свою власть на три провинціи: Египетъ, Ливію и Пентаполь. Что въ предѣлахъ юрисдикціи перваго іерарха не было областныхъ или провинціальныхъ митрополитовъ, съ подчиненными имъ епископами (суфраганами), съ этимъ соглашаются и тѣ ученые, которымъ слѣдуетъ г. Барсовъ ⁵⁾; напротивъ, существованіе митрополитовъ въ провинціяхъ александрійскаго епископа представляется г. Барсову настолько „несомнѣннымъ“, что, приводя относящіеся сюда доказательства, онъ не обращаетъ вниманія даже на сомнѣнія своихъ авторитетовъ. Такъ Маассенъ, на котораго, между прочимъ, ссылается здѣсь нашъ авторъ, прямо заявляетъ, что свидѣтельство св. Епифанія (конца IV в.) о египетскомъ епископѣ Мелетіи (конца III в.), котораго онъ называетъ *архіепископомъ*, не имѣетъ по отношенію къ настоящему вопросу никакой доказательной силы. Въ книгѣ же г. Барсова этотъ скептическій отзывъ опущенъ, а удержана только аргументація, основанная на предположеніи полной достовѣрности извѣстій Епифанія о Мелетіи ⁶⁾. Но и при этомъ предположеніи, свидѣтельство Епифанія, какъ основательно возражаетъ Пихлеръ ⁷⁾, вело бы къ прямо противоположному заключенію: „ибо — говоритъ названный ученый—во времена Мелетія имя архіепископа еще не было въ употребленіи, а только митрополитъ. Почему же Епифаній для обозначенія митрополичьяго достоинства употребилъ имя архіепископа, которое прежде только разъ усвоено (св. Аѳанасіемъ) александрійскому епископу и которымъ самъ

⁴⁾ Richter, Lehrbuch Kirchenrechts, 8-te Auflage, § 14, not. 4.

⁵⁾ Maassen, Primat des Bischofs von Rom und die alten Patriarchalkirchen s. 12; cfr. s. 121—122.

⁶⁾ „Wenn die Nachrichten des heil. Epiphanius über den Meletius, говоритъ Маассенъ, als zuverlässig betrachtet werden könnten, so würde durch sein Zeugniß bewiesen sein, dass schon vor dem Concil von Nicaea in den ägyptischen Ländern Mitropoliten existirten..... Da aber die Glaubwürdigkeit des Berichtes des heil. Epiphanius über die Meletianische Angelegenheit keineswegs feststeht, so ist auf diese Aeusserung für unsern Zweck kein Argument zu gründen.“.—Primat, s. 21, not. 12.

⁷⁾ Geschichte der kirchl. Trennung zw. d. Orient und Occident, B. I, s. 110—111.

Епифаній называет тамошняго епископа Петра, съ знаменательнымъ поясненіемъ: „всѣ александрійскія (т.-е. египетскія) церкви стоятъ подъ однимъ архіепископомъ“? То самое обстоятельство, что выдающійся епископъ изъ подчиненныхъ александрійскому названъ, какъ и сей послѣдній, архіепископомъ, и служить доказательствомъ, что тогда въ Египтѣ не было митрополитовъ^а и что, прибавимъ мы, въ источникахъ Епифанія Мелетій назывался не этимъ именемъ, которое вообще никогда не усвоилось обыкновеннымъ митрополитамъ. Рѣшающее значеніе по отношенію къ настоящему вопросу приписываютъ (Маассенъ, Гегеле и др.) свидѣтельствамъ Синезія, епископа птолемаидскаго (V в.), которыя приводитъ и г. Барсовъ (стр. 13, прим. 3). Но и здѣсь не мѣшало бы выслушать возраженія Пихлера. „Синезій, говоритъ онъ, сообщаетъ извѣстіе, что св. Аѳанасій александрійскій перемѣстилъ епископа Сидерія въ Птолемаиду чтобы управлять церковію *митрополіи* (τὴν μητροπολίτιν ἐκκλησίαν). Птолемаида была главнымъ городомъ Пентаполи и во времена Никейскаго собора, — политической митрополіею. Самъ Синезій уже спустя сто лѣтъ (410—431) послѣ названнаго собора былъ митрополитомъ птолемаидскимъ, и объ немъ еще съ большимъ правомъ, нежели объ Епифаніи, можно сказать, что онъ въ отношеніи къ своей церкви выражался языкомъ своего времени. То, что онъ говоритъ о сохраненіи правъ своей митрополіи (τὰ μητρία τῆς πόλεως δικαία), не устраняетъ возраженія, что во времена Аѳанасія, т.-е. за 100 лѣтъ прежде, подъ μητροπολίτις ἐκκλησία могла подразумѣваться церковь *политической* митрополіи“^а. Къ этимъ возраженіямъ прибавимъ указаніе на тотъ безспорный фактъ, что александрійскій епископъ и въ позднѣйшія времена, когда онъ несомнѣнно былъ уже патріархомъ, удерживалъ за собою право рукополагать всѣхъ вообще епископовъ (т.-е. не только митрополитовъ, но и ихъ суффрагановъ) во всѣ подчиненные ему города и области^б). Не служить ли этотъ фактъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о прежнихъ отношеніяхъ, когда іерархъ Александріи былъ единственнымъ митрополитомъ для всѣхъ египетскихъ провинцій, или, говоря словами 6-го никейскаго канона, „имѣлъ власть надъ всеми ими“^в?

^а) См. *Beveregii*, Annot. in 4 cap. nicaen.; *Maassen*, op. cit., p. 24.

Иначе сложился порядок церковнаго управленія въ тѣхъ странахъ христіанскаго Востока, на которыя Никейскій соборъ указалъ словами: „*ex Antiochia et ceterarum eparchiarum*.“ Здѣсь не было митрополитовъ, власть которыхъ простиралась бы на нѣсколько гражданскихъ провинцій; по крайней мѣрѣ, если соборъ предполагаетъ, какъ *общее правило*, что каждая провинція имѣетъ своего митрополита (прав. 4 и 5), то это предположеніе можетъ идти только къ церквамъ восточнаго, азійскаго и еракійскаго діоцезовъ. Митрополиты областей или провинцій, входившихъ въ составъ этихъ діоцезовъ, безъ сомнѣнія были также независимы одинъ отъ другаго, какъ и епископы римскій и александрійскій. Но между ними издавна установились отношенія старѣйшинства (τὰ πρεσβεία), основанныя какъ на сравнительной древности ихъ церквей, такъ и на политической важности городовъ, въ которыхъ находились ихъ катедръы. Въ томъ и другомъ отношеніи старѣйшею изъ всѣхъ митрополій Востока была антиохійская: вотъ почему она *одна* названа по имени въ постановленіи Никейскаго собора о томъ, чтобы во всѣхъ (восточныхъ) областяхъ „соблюдаемы были преимущества церквей“. Это были тѣ же самыя преимущества, которыя въ 7 никейскомъ канонѣ предоставлены іерусалимскому епископу, а въ 3-мъ втораго вселенскаго собора—константинопольскому, т.-е. преимущества *чести*, а не власти. Власть митрополитовъ, опредѣленная въ предыдущихъ (4 и 5) никейскихъ правилахъ и выражавшаяся прежде всего въ правѣ поставленія епископовъ своей области, и теперь, послѣ формальнаго признанія преимуществъ старѣйшинства нѣкоторыхъ митрополическихъ катедръ, оставалась на прежнихъ основаніяхъ, что и *подтверждено* въ дальнѣйшихъ словахъ занимающаго насъ никейскаго канона: *вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто безъ соизволенія митрополита поставленъ будетъ епископомъ, о такомъ великій соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть епископомъ*. Иначе объясняетъ эти слова г. Барсовъ. Онъ видитъ въ нихъ „намекъ“ на особенную власть антиохійскаго епископа (?), состоявшую будто бы въ томъ, что онъ „въ качествѣ церковнаго экзарха діоцеза поставлялъ областныхъ митрополитовъ и утверждалъ избраніе епископовъ, поставляемыхъ подлежащими областными митрополитами“ (стр. 14). Въ чемъ именно скрывается и откуда виденъ этотъ намекъ, авторъ не

указываетъ; за то спѣшитъ пояснить, что „настоящею прибавкою соборъ даетъ понять, что и при расширеніи преимуществъ перечисленныхъ въ его канонѣ высшихъ митрополитовъ (значитъ, уже не одного антиохійскаго?), ненарушимо должны соблюдать права обыкновенныхъ митрополитовъ“ (какъ — „ненарушимо“, если право утвержденія кандидатовъ на простые епископскія каведры предоставлено не областному, а высшему — діецезному митрополиту?). Въмѣсто того, чтобы путаться въ произвольныхъ догадкахъ и толкованіяхъ, авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство, въ виду котораго подлинный смыслъ никейскаго канона открывается со всею ясностію и безъ всякихъ натяжекъ. Спусти 15 лѣтъ послѣ изданія этого канона, въ Антиохіи, резиденціи одного изъ митрополитовъ съ предполагаемыми правами высшей административной власти, былъ соборъ, который съ своей стороны издалъ нѣсколько правилъ по областному церковному управленію и слѣдовательно имѣлъ всѣ поводы къ тому, чтобы въ томъ или другомъ отношеніи выставить на видъ особенныя преимущества антиохійскаго епископа, якобы утвержденныя за нимъ Никейскимъ соборомъ. Но ничего подобнаго мы не находимъ въ антиохійскихъ постановленіяхъ; напротивъ, подтвердивъ вообще старинныя права митрополитовъ (прав. 9, 19 и 20), соборъ предоставляетъ еще каждому изъ нихъ новое право — составлять „большій соборъ“ (μεῖζονα σύνδοτον), т.-е. увеличивать личный составъ своего областного собора (σύνδοτος τῆς ἐπαρχίας) чрезъ приглашеніе епископовъ изъ сосѣдней митрополичьей области и такимъ образомъ рѣшать въ послѣдней инстанціи дѣла какъ административныя (прав. 13), такъ и судебныя (прав. 12 и 14). Гдѣ же тутъ главный митрополитъ цѣлаго округа (діецеца) съ такою же властію надъ обыкновенными (областными или провинціальными) митрополитами, какую эти послѣдніе имѣли надъ своими епископами-суффраганами? Молчаніе собора объ этихъ главныхъ митрополитахъ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что они были сравнительно новымъ явленіемъ въ сферѣ помѣстнаго церковнаго управленія.

Указанныя правила Антиохійскаго собора во многихъ отношеніяхъ послужили бы для г. Барсова лучшимъ комментариемъ и къ соотвѣтственнымъ опредѣленіямъ Константинопольскаго, вто-

раго вселенскаго собора (381 г.). Во 2-мъ своемъ канонѣ соборъ этотъ говоритъ: *Областные епископы* (τοὺς ὑπὲρ διοίκειν ἐπισκόπους) да не простираютъ своей власти на церкви, за предѣлами своей области, и да не смѣшиваютъ церквей; но, по правиламъ, александрійскій епископъ да управляетъ церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуютъ токмо на востокъ, съ сохраненіемъ при нѣмъ существа антioxійской церкви, правилами никейскими признаннымъ; также епископы области асійскія да начальствуютъ токмо въ Азіи; епископы понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо понтійскія области, еракійскіе—токмо Эракіи. Не бывъ приглашены, епископы да не переходятъ за предѣлы своей области для рукоположенія, или какого-либо другаго церковнаго распоряженія. — „Въ этомъ правилѣ, изъясняетъ г. Барсовъ, Константинопольскій соборъ съ ясностію указываетъ какъ предѣлы управленія старѣйшихъ іерарховъ (?), такъ и границы этихъ предѣловъ (что такое—„границы предѣловъ?“), а равно начальственное положеніе и взаимныя отношенія названныхъ іерарховъ. Для обозначенія именно предѣла этого управленія соборъ употребляетъ выраженіе διοίκσις — округъ, въ смыслѣ совокупности нѣсколькихъ провинцій, или областей. И такихъ округовъ соборъ съ полною раздѣльностію насчитываетъ пять: Египетъ, церквами котораго долженъ управлять іерархъ александрійскій; Востокъ, гдѣ между начальствующими епископами должны сохраняться преимущества антioxійской церкви; діоцезы Азіи, Понта и Эракіи, изъ коихъ въ первомъ „начальственное положеніе“ надъ митрополитами должно принадлежать іерарху ефесскому, во второмъ—кесарійскому, въ третьемъ—ираклійскому (стр. 17 и 19). „Ясное“ указаніе на полѣднихъ трехъ іерарховъ и на ихъ „начальственное положеніе“ въ своихъ діоцезахъ г. Барсовъ нашелъ, конечно, не въ самомъ канонѣ, который объ этихъ іерархахъ вовсе не упоминаетъ, а въ другихъ „источникахъ“, преимущественно у Маассена, который аргументируетъ такъ: Ефесъ былъ главнымъ городомъ азійскаго діоцеза, Кесарія—понтійскаго, Ираклія—еракійскаго; ergo—митрополиты этихъ городовъ имѣли власть надъ прочими митрополитами своихъ діоцезовъ *). Предполагается, значитъ, несомнѣннымъ и не требующимъ доказательства,

*) Primat, s. 56—61.

что политическому значенію названныхъ городовъ *σπολις* соотвѣтствовало и *церковное* ихъ значеніе.—Смыслъ правила дѣйствительно ясенъ, только не съ той стороны, откуда освѣщаетъ его г. Барсовъ. Соборъ ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду установить крайніе предѣлы правомѣрнаго и дѣлсообразнаго участія епископовъ вообще и митрополитовъ въ обенности въ дѣлахъ чужихъ церквей. Для этого онъ примѣняетъ къ церковному управленію существующее въ государственной администраціи дѣленіе Востока (въ обширномъ смыслѣ) на пять округовъ (діоцезовъ): египетскій, восточный (въ тѣсномъ смыслѣ), азійскій и еравійскій. Въ египетскомъ діоцезѣ, какъ намъ уже извѣстно, былъ одинъ только митрополитъ—епископъ александрійскій: о немъ только и упоминаетъ соборъ въ своемъ правилѣ; въ остальныхъ, по всей вѣроятности, было столько же митрополитовъ, сколько въ каждомъ провинціи (*ἐπαρχία*); поэтому соборъ и выражается во множественномъ числѣ: „епископы такого-то и такого-то діоцеза“. Только при упоминаніи о восточныхъ епископахъ прибавлено, чтобы они „сохраняли преимущества антиохійской церкви, признанныя никейскими правилами“. Константинопольскій соборъ, такъ же какъ и Никейскій, не входитъ въ ближайшее опредѣленіе этихъ преимуществъ; но въ виду нѣкоторыхъ указаній, содержащихся въ актахъ собора, можно съ полною достовѣрностью утверждать, что и теперь старѣйшій епископъ восточнаго діоцеза пользовался только преимуществами чести, а не власти. Такъ въ своемъ посланіи къ римской церкви, извѣщая о поставленіи Флавіана въ епископа Антиохіи, Константинопольскій соборъ называетъ область этого іерарха общимъ именемъ митрополичьей области—*ἐπαρχία* и ясно отличаетъ отъ *ἀνατολικῆ διοικήσεως* ¹⁹⁾. Въ томъ же посланіи г. Барсовъ нашелъ бы вполне достовѣрное, такъ-сказать аутентическое толкованіе и всего постановленія о діоцезахъ и епархіяхъ, изложеннаго во 2-мъ соборномъ канонѣ. „Относительно помѣстнаго управленія въ церквахъ — писали отцы собора — удержалъ силу древній, какъ знаете, законъ и опредѣленіе св.

¹⁹⁾ *Harduin, Acta Concil. t. I, p. 825: οἱ τε τῆς ἐπαρχίας (сирійской) καὶ τῆς ἀνατολικῆς διοικήσεως συνδραμόντες (ἐπίσκοποι), κανονικῶς ἐχειροτόνησαν.*

отецъ въ Никей, чтобы въ каждой *епархіи* совершали рукоположенія епархіальные (областные) епископы, *пригласивъ, если захотятъ и находятъ полезнымъ, и сосѣднихъ епископовъ* ¹¹⁾. Первая часть этого извѣстія, очевидно, вполне соотвѣтствуетъ послѣднимъ словамъ канона: „дѣла каждой области (καθ' ἐκάστην ἐπαρχίαν) благоучреждать будетъ соборъ той же области, какъ определено въ Никей“; вторая же („пригласивъ сосѣднихъ епископовъ“) передаетъ смыслъ предыдущаго соборнаго постановленія о діѳцезахъ, и передаетъ такъ, что не оставляетъ никакого мѣста догадкѣ о существованіи или установленіи вновь митрополитовъ съ *высшею властію надъ цѣлымъ діѳцезомъ*. Каждому областному собору (и митрополиту) предоставлено право приглашать епископовъ изъ сосѣднихъ областей и такимъ образомъ составлять тотъ „большій соборъ“, о которомъ говорятъ антиохійскія правила и который въ 6-мъ канонѣ самаго Константинопольскаго собора названъ „соборомъ епископовъ діѳцеа (σύνδοκος τῶν τῆς διοικήσεως ἐπισκόπων). Само собою понятно, что на этихъ соборахъ старѣйшій митрополитъ въ діѳцезѣ занималъ предсѣдательское мѣсто и вообще пользовался особеннымъ вліяніемъ, которое мало-по-малу доставляло ему соотвѣтственныя права высшей власти. Въ номенклатурѣ церковно-іерархическихъ чиновъ появился новый титулъ: *ἐκάρχος τῆς διοικήσεως*. Г. Барсовъ увѣряетъ, что титулъ этотъ уже въ IV в. былъ настолько употребителенъ на Востокѣ, что едва тогда же не проникъ и на Западъ, гдѣ впрочемъ былъ отвергнутъ однимъ изъ африканскихъ соборовъ, именно иппонійскимъ 393 г. (стр. 22—23). Но вѣрить этому нельзя по той простой причинѣ, что слово *ἐκάρχος* принадлежитъ только греческому переводу правилъ африканскихъ соборовъ, появившемуся не прежде конца VI вѣка ¹²⁾; въ латинскомъ же оригиналѣ стоитъ *princeps* (sacerdotum). Ближе къ истинѣ будетъ

¹¹⁾ Ibid. p. 824: Περί δὲ τῶν οἰκονομιῶν τῶν κατὰ μέρος ἐν ταῖς ἐκκλησίαις, παλαιός τε, ὡς ἴστε, θεσμός κεκράτηκε καὶ τῶν ἁγίων ἐν Νικαίᾳ πατέρων ὅρος, καθ' ἐκάστην ἐπαρχίαν τοὺς τῆς ἐπαρχίας, καὶ εἴπερ ἐκεῖνοι βούλονται, σὺν αὐτοῖς τοὺς ὁμόρους πρὸς τὸ σύμφερον ποιεῖσθαι τὰς χειροτονίας.

¹²⁾ Правила эти, извѣстныя въ каноническихъ сборникахъ подъ именемъ „правилъ карфагенскаго собора“ (419 г.), еще не находятся въ древнѣйшемъ греческомъ сборникѣ, принадлежащемъ Іоанну Схоластику (VI в.)

то предположеніе, что титулъ появился не прежде соотвѣтственнаго ему чина въ церковной іерархіи. Дѣйствительно, первый примѣръ его употребленія мы находимъ въ актахъ Антіохійскаго собора 445 года: *экзархомъ діецеца однажды названъ здѣсь антіохійскій епископъ Домнъ, обыкновенно называемый (въ заявленіяхъ другихъ членовъ собора) архіепископомъ*¹³⁾. Это обстоятельство весьма знаменательно. Послѣдній титулъ безспорно указывалъ уже на особенныя права власти антіохійскаго іерарха, какихъ не имѣли обыкновенные митрополиты; но первый, по всей вѣроятности, былъ простымъ отличіемъ старѣйшихъ митрополитовъ въ тѣхъ трехъ діецезахъ, которые 28-мъ канономъ Халкидонскаго собора (451 г.) подчинены „*архіепископу Новаго Рима*“, но *фактически* и отчасти на основаніи императорскихъ законовъ уже давно стояли подъ его юрисдикціей.

Такимъ образомъ эпоха окончательнаго установленія власти патріарховъ вообще почти совершенно совпадаетъ съ эпохою формальнаго учрежденія константинопольскаго патріархата въ частности.

II.

Характеристическую черту каноническаго законодательства, возвышавшаго константинопольскаго епископа на степень патріарха, составляетъ то, что онъ постоянно ставится въ параллель съ римскимъ епископомъ, старѣйшимъ іерархомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, и его кафедрѣ, какъ находящаяся въ *новой столицѣ имперіи, въ Новомъ Римѣ, признается второю послѣ кафедрѣ Стараго Рима*. Это выражено уже въ 3 канонѣ втораго Вселенскаго собора, который, какъ выше замѣчено, предоставилъ константинопольскому епископу пока только „*преимущества чести по римскомъ епископѣ*“. То же самое въ существѣ дѣла повторилъ и Халкидонскій соборъ, въ своемъ знаменитомъ 28 правилѣ, отъ котораго собственно и начинается каноническое бытіе константинопольскаго патріархата. Вотъ подлинныя слова собора: „*Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ св. отецъ и признавая чинъ таинное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбивѣйшихъ епископовъ,*

¹³⁾ См. у Гардунна въ Acta Concil. t. II, p. 589—591.

бывшихъ въ соборъ во дни благочестивия памяти Θεодосія въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, Новомъ Римѣ, тоже самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшей церкви томожде Константинополя, Новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдую тому же побужденію, и сто пятьдесятъ боголюбивѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу Новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и сиклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ будетъ возвеличенъ подобно тому, и будетъ второй по немъ". Это было собственно мотивомъ дальнѣйшаго постановленія изложеннаго въ томъ же канонѣ—о подчиненіи константинопольскому „архіепископу“ трехъ дієцезовъ съ ихъ митрополитами. Въ самомъ дѣлѣ представлялось несообразнымъ, что іерархъ, занимавшій въ порядкѣ и представительствѣ вселенской іерархіи второе мѣсто по преимуществамъ чести, не имѣлъ соотвѣтственныхъ правъ и преимуществъ власти. Но г. Барсовъ нашелъ въ этомъ мотивѣ главное основаніе для новой канонической теоріи, которую, повторяемъ нельзя иначе назвать какъ теоріей восточнаго папизма. Развитие этой теоріи идетъ у автора параллельно съ изясненіемъ соборныхъ каноновъ, начиная отъ Халкидонскаго и оканчивая Константинопольскимъ 879 года. Въ приведенныхъ словахъ халкидонскаго канона г. Барсовъ видитъ „толкованіе 3 правила второго Вселенскаго собора, и при томъ — толкованіе въ смыслѣ новаго постановленія“ (стр. 54); именно: „выраженіемъ „равныхъ преимуществъ“ (ἴσα τὰ προβεία) соборъ призналъ іерарха константинопольскаго, какъ іерарха Новаго Рима, во всемъ (?) равнымъ патріарху Рима древняго и усвоилъ кathedrā перваго то же самое значеніе, честь (?) и достоинство, какими пользовалась кathedra послѣдняго. Словами: „и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому“ (καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικαῖς, ὡς ἑκεῖνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι) соборъ выразилъ, что престолъ (каathedра) Новаго Рима и его іерархъ должны получить столь же широкое и многообъемлющее значеніе въ дѣлахъ христіанской церкви, какимъ уже пользовались кathedра и іерархъ древняго Рима... Замѣчаніемъ: „и будетъ второй по немъ“ (δευτέρα μετ' ἑκεῖνην ὑπάρχουσαν) соборъ показалъ, что кathedра константинопольская, при равенствѣ ея